

"NOT ENOUGH HARDSHIPS," HE TOLD ME

A Saga of Syncopation

As Somewhat Modestly related by

PAUL (KING OF JAZZ) WHITEMAN

struggling youngster through the inevitable growing pains, and may bring out some genius which otherwise would never have had a chance.

My own musical growing pains started in Denver, Colorado. My father, Wilberforce J. Whiteman, was director of musical education in the Denver schools for thirty years, and mother (her father, Sam Dallison, was a yeoman in Queen Victoria's guard), sang in oratorio, and in the Denver choirs when I was growing up.

A REPORTER who once came to see me for a success story interview, complained that I hadn't suffered enough hardships to make me worth writing about. I hadn't "fought my way up," he said.

It's true that I didn't have to go to work at the age of six to support an invalid family. And I have only been stony-broke at intervals. But since the days when jazz, which I happened to be the first to orchestrate, was a disreputable noise despised by critics, I have come over some rough, heart-breaking roads. There have been lots of times when I was close enough to starving for an ideal to satisfy any writer of Cinderella-type interviews.

I am less vulnerable now that I'm standing on my own feet, and have a clear idea of what I'm trying to do—to build up modern American music. I feel that in music, more than any other art, America has a definite contribution of her own to make. And perhaps the greatest satisfaction of my life is to be able this year to found a music scholarship that will help some

I got my musical education from my father and the teachers he selected—all serious and talented musicians, and at the age of three started making my share of the family noises by picking out tunes on a toy violin. From that time on, dad and mother managed to pound some knowledge of musical technique into me.

I was no child prodigy. I didn't even like to practise. But I did love music from the first time I heard it. Even as a kid, music affected me like a kind of fever. When my parents took me to the opera, I was weak and sick for a whole day afterward. And it's a good deal like that to-day. "Parsifal" is my favourite opera, and I'm not much good for a week after hearing it.

At seventeen, I was chief viola player in the Denver symphony, and three years later went to the Pacific Coast hunting adventure. I found it for a time playing at the World's Fair Orchestra in San Francisco. But by the time the Fair was over, I was pretty dissatisfied with everything, including symphony work. The pay was

poor, and there was little chance for initiative.

And then—along came jazz.

Jazz, which I first heard in a dance-hall on the Barbary Coast. The first time I heard those crude rhythms, and fantastic beats, I felt that in spite of its uncouthness it was trying to say something in all sincerity that was purely American. It puzzled me, but I loved it. And it was immediately clear what I was going to do.

The money I had saved to come west was gone. My pocket-book was fat. Extra jobs helped a little. Once I was so broke that I drove a taxi-cab for extra nickels. Then I got a job at Tait's in San Francisco as a member of their jazz band. But I couldn't seem to play the music that fascinated me. After two days the director fired me.

"You can't jazz, that's all," he said.

A Step Up

That made me mad, and I set out to learn. I'd show them whether I could jazz or not. I hung around the door of every restaurant where jazz was played—just listening. And I experimented in my hall bedrooms until two landladies threw me out. But I finally worked out an orchestration, got together seven musically-trained youngsters, borrowed a couple of hundred dollars, and set rehearsing my first jazz band.

No sooner had we started rehearsing than war broke. My next job was to enlist in the Navy, which I did as a bandmaster. After the war I led a hand-to-mouth wandering minstrel life—playing wherever I could and whenever I could. I had my first and only nervous breakdown in those years.

When I was on my feet after an enforced rest, I started once more to scrimp and save for the dream of my own orchestra.

And the dream came true in a small way, when, just as things were at rock-bottom, John Hernan offered me a chance at the Alexandria Hotel in Los Angeles. I got together another little band, and we opened to a crowd that seemed to like us. It was hard work. I had to do all the arrangements as well as the orchestrating and conducting. But the Alexandria's receipts jumped from 300 to 1,200 dollars a day. Jazz and I had taken a real step up.

I brought that same orchestra east when S. W. Strauss gambled 2,600 dollars to help me open at the new Ambassador Hotel at Atlantic City. The boys were terrified at coming to the cold, unfriendly east. And our first weeks in Atlantic City justified that fear. Then suddenly we went over with a bang. And the Palais Royal, New York's largest café, waved a magnificent contract.

London

It was at the Palais Royal that I met Lord and Lady Mountbatten, whose kindly interest was responsible for the sailing on March 23, 1923, of a rather scared gang of Americans to play at the Hippodrome in London, and what was equally exciting, to play at a party for the Prince of Wales.

Well, it was a grand success. The Prince of Wales was charming to us. So were our London audiences. We had offers to stay and offers to play in Paris. But we were kind of homesick. And I had yet to prove to New York that jazz had grown far beyond its early crude beginnings, and that it deserved recognition. That was what I wanted most of all to do. The mass of the American people were crazy about jazz, but to the masters and the critics we were still loathsome outcasts.

In all the bad times and fearsome moments, nothing has ever approached the terror I felt when the curtain went up on my debut in Aeolian Hall in New York City. Jazz in Aeolian Hall! Conservative music lovers were horrified. And I had every reason to expect annihilation all around. When at the end of our twenty-six numbers, the audience which had been only mildly curious at first, demanded encore after encore, my heart was too full to speak.

That night gave me the courage to undertake with an orchestra of twenty-five men, a jazz concert tour of the United States. I was dubious about its success. None of the boys wanted to go. Besides I was in a stay-at-home mood for another, purely unmusical, reason. Paul Whiteman, Jun., had just reached an age when he'd sit up and take notice of me.

And Yet they Fired me from my First Dance Band Job After Two Days!

However, in the end we went. I think that tour was the longest ever attempted by a full orchestra. We played every town of any size or note all over the country from Maine to El Paso, and through the Middle West to the Coast. Lots of amusing things happened. And there were many hardships. But for me that tour was a great and successful experiment. I believe that I conducted my orchestra better in the series of concerts which we gave in the Lewisohn Stadium last year, because of my one-night-stand experiences on that long, long tour that marked a turning—for jazz as well as for me.

I have been asked in this article to tell you something about a few of the more famous musicians who have at one time or another been members of my orchestra.

Well, quite a few of them are leaders in their own rights now. Look at Joe Venuti, who paid a short—by all accounts, much too short—visit to your country a month or two ago. Ferde Grofé,

than whom there is no better arranger. Henry Busse, Red McKenzie, Jack Fulton, and others.

Bing Crosby, Mildred Bailey, Eddie Lang, Mike Pingatore, Morton Downey, Harry Barris, Al Rinker . . .

You all know about George Gershwin. And Dana Suesse, Johnny Green, Rube Bloom, to mention one or two names which are evidently just about as well known and popular in Britain as over here in the States. There are many more.

At the moment I am most interested in the new Elfrida Whiteman music scholarship which I am starting this year. It is something I've wanted to do for a long time. And since one of its purposes is to help some young musician, I have called the scholarship after my mother, who helped me so much. I think she would have liked that kind of a memorial.

The scholarship of two years at any music school or institute conveniently located to the winner, will be awarded for the best orchestral composition that is the original work of the individual.

[Photo: Talbot, New York.]

РЕПОРТЕР, который однажды пришел ко мне для интервью про историю успеха, пожаловался, что я не перенес достаточно трудностей, чтобы обо мне стоило писать. «Вы не пробивали себе дорогу наверх», - сказал он.

Это правда, что в возрасте шести лет мне не нужно было ходить на работу, чтобы содержать семью с инвалидом, и я лишь время от времени оказывался на мели. Но с тех пор, как джаз, который мне довелось первым организовать, был всего шумом с дурной репутацией, презираемым критиками, я прошел много трудных, мучительных дорог. Было много раз, когда я был достаточно близок к желаемому идеалу, который удовлетворил бы любого автора интервью типа "Золушки".

Теперь, когда я стою на собственных ногах и у меня есть четкое представление о том, что я пытаюсь сделать для создания современной американской музыки, я чувствую, что в музыке, больше, чем в любом другом искусстве, Америка должна внести свой определенный вклад. И, возможно, самое большое удовлетворение в моей жизни - это возможность в этом году основать музыкальную стипендию, которая поможет некоторым

Я получил музыкальное образование от своего отца и учителей, которых он выбирал из числа серьезных и талантливых музыкантов, и в возрасте трех лет начал вносить свою лепту в семейные шумы, подбирая мелодии на игрушечной скрипке. С того времени папе и маме удалось привить мне некоторые знания в области музыкальной техники.

Я не был вундеркиндом, мне даже не нравилось практиковаться. Но я действительно полюбил музыку с того момента, как впервые ее услышал. Даже в детстве музыка действовала на меня как своего рода лихорадка. Когда мои родители повели меня в оперу, я ослабел и болел целый день после этого. И сегодня, во многом похоже на то, что "Парсифаль" - моя любимая опера, и я не очень хорош в течение недели после ее прослушивания.

В семнадцать лет я был главным альтистом Денверского симфонического оркестра, а три года спустя отправился в «охотничье приключение» на Тихоокеанское побережье. Какое-то время я играл там в оркестре Всемирной выставки в Сан-Франциско. Но к тому времени, когда ярмарка закончилась, я был очень недоволен всем, включая симфоническую работу. Плата была

"НЕДОСТАТОЧНО

Сага о синкопировании

Как довольно скромно рассказал

ПОЛ (КОРОЛЬ ДЖАЗА) УАЙТМЕН

борющимся юношам, преодолевающим неизбежные трудности роста, и может выявить какого-нибудь гения, у которого в противном случае никогда не было бы такого шанса.

Мои собственные музыкальные трудности роста начались в Денвере, штат Колорадо. Мой отец, Уилберфорс Дж. Уайтмен, тридцать лет был директором музыкального образования в школах Денвера, а мать (ее отец, Сэм Даллисон, был йоменом в гвардии королевы Виктории) пела в оратории в денверских хорах, когда я рос.

мизерная, и у меня было мало шансов проявить инициативу.

А потом - появился джаз.

Джаз, который я впервые услышал в танцевальном зале на побережье Берберри. Когда я впервые услышал эти грубые ритмы и фантастические биты, я почувствовал, что, несмотря на свою неотесанность, джаз пытается сказать что-то со всей искренностью, что-то чисто американское, и это озадачило меня, но мне это понравилось. И сразу стало ясно, что я собираюсь делать.

Деньги, которые я скопил, чтобы уехать на запад, пропали. Мой кошелек был плоским. Дополнительная работа немного помогла. Однажды я был так разорен, что водил такси за лишние пять центов. Потом я устроился на работу у Тейта в Сан-Франциско в качестве члена их группы. Но, похоже, я не мог играть ту музыку, которая меня очаровала. Через два дня директор уволил меня.

«Ты не умеешь играть джаз, вот и все», - сказал он.

Шаг вверх.

Это разозлило меня, и я решил учиться. Я должен был показать, умею ли я джазировать или нет. Я околачивался у дверей каждого ресторана, где играли джаз, просто слушал. И я экспериментировал в своих съемных комнатах, пока две хозяйки не выставили меня вон. Но в конце концов я разработал оркестровку, собрал семерых музыкально подготовленных молодых людей, занял пару сотен долларов и начал репетировать свой первый джаз-банд.

Не успели мы начать репетировать, как разразилась война. Моей следующей работой было поступление на службу в Военно-морской флот, в качестве дирижера оркестра. После войны я вел жизнь бродячего менестреля, зарабатывающего на жизнь, играя где можно и когда можно. У меня был первый и единственный нервный срыв за те годы.

Когда я встал на ноги после вынужденного отдыха, я снова начал экономить и откладывать деньги на мечту о собственном оркестре.

ТРУДНОСТЕЙ", СКАЗАЛ ОН МНЕ

И все же они уволили меня с моей первой работы в танцевальной группе через два дня!

И мечта в какой-то мере сбылась тогда, когда, как раз когда дела шли вразнос, Джон Эрнан предложил мне шанс в отеле "Александрия" в Лос-Анджелесе. Я собрал еще одну маленькую группу, и мы открылись для публики, которой, казалось, мы понравились. Это была тяжелая работа. Я должен был сделать все аранжировки, а также оркестровку и дирижировать. Но чеки "Александрии" подскочили с 300 до 1200 долларов в день. Мы с джазом сделали настоящий шаг вперед. Я привез этот же оркестр на восток, когда С.В. Штраус поставил в новом отеле «Ambassador» в Атлантик-Сити. Парни были в ужасе от того, что попали в холодную, недружелюбную группу, и наши первые недели в Атлантик-Сити оправдали этот страх. Затем внезапно все с грохотом перевернулось, и Пале-Рояль, крупнейшее кафе Нью-Йорка, заключило с нами грандиозный контракт.

Лондон

Именно в Пале-Рояле я встретил лорда и леди Маунтбеттен, чьи добрые интересы были ответственны за отплытие 23 марта 1923 года довольно напуганной банды американцев играть на ипподроме в Лондон, и что было не менее захватывающе, сыграть на вечеринке в честь принца Уэльского.

Что ж, это был грандиозный успех. Принц Уэльс был очарован нами. Как и наши лондонские зрители. У нас были предложения остаться и сыграть в Париже, но мы немного скучали по дому. И мне еще предстояло доказать Нью-Йорку, что джаз вышел далеко за рамки своего карликового начала и что он заслуживает признания. Это было то, что я хотел сделать больше всего на свете. Большинство американцев были без ума от джаза, но для мастеров и критиков мы по-прежнему оставались отвратительными изгоями.

Во все плохие времена и страшные моменты ничто никогда не могло сравниться с тем ужасом, который я испытал, когда при моем дебюте поднялся занавес в Эолийском зале в городе Нью-Йорке. Джаз в Эолийском зале! Консервативные меломаны пришли в ужас. И у меня были все основания ожидать уничтожения от всех вокруг. Когда в конце наших двадцати шести номеров публика, которая поначалу проявляла лишь легкое любопытство, требовала выхода на бис один за другим, мое сердце было слишком переполнено, чтобы говорить.

Та ночь придала мне смелости отправиться с оркестром из двадцати пяти человек в джазовый концертный тур по Соединенным Штатам. Я сомневался в его успехе. Никто из парней не хотел идти. Кроме того, я был в настроении сидеть дома по другой, чисто немзыкальной причине. Пол Уайтмен, Джун., только что достиг того возраста, когда он садился и обращал на меня внимание.

Однако, в конце концов, мы поехали. Я думаю, что это турне было самым продолжительным из всех, когда-либо предпринятых полным составом оркестра. Мы играли в каждом городе любого размера и уровня по всей стране, от Мэна до Эль-Пасо, от Средний Запад до побережья, и происходило много интересного. И было много трудностей. Но для меня этот тур был большим и успешным экспериментом. Я считаю, что я лучше дирижировал своим оркестром в серии концертов, которые мы давали на стадионе в Льюисоне в прошлом году, из-за того, что я провел предствление на целую ночь в том долгом-предолгом туре, который ознаменовал поворот - как для джаза, так и для меня.

В этой статье меня попросили рассказать вам кое-что о нескольких наиболее известных музыкантов, которые в то или иное время были членами моего оркестра. Что ж, довольно многие из них сейчас сами по себе являются лидерами. Посмотрите на Джо Вентути, который нанес короткий, по общему мнению, слишком короткий визит в вашу страну месяц или два назад. Ферде Грофе,

лучше которого нет аранжировщика. Генри Буссе, Р.Д. Маккензи, Джек Фултон и другие, Бинг Кросби, Милдред Бейли, Эдди Лэнг, Майк Пингаторе, Мортон Дауни, Гарри Баррис, Эл Ринкер....

Вы все знаете о Джордже Гершвине. И Дана Суессе, Джонни Грин, Руббе Блум, чтобы упомянуть одно или два имени, которые, очевидно, почти так же хорошо известны и популярны в Британии, как и здесь, в Штатах. Есть еще много других.

На данный момент меня больше всего интересует новая музыкальная стипендия Эльфриды Уайтман, которую я начинаю в этом году. Это то, что я давно хотел сделать. И поскольку одна из ее целей - помочь какому-нибудь молодому музыканту, я назвал это учебное заведение в честь моей матери, которая так сильно мне помогла. Я думаю, ей бы понравился такой мемориал. Стипендия на два года в любой музыкальной школе или институте, удобно расположенных для победителя, будет присуждена за лучшую оркестровую композицию, которая является оригинальной работой отдельного человека.

[Photo: Talbot, New York.]